

Для девочек-подростков наступает время, когда они переходят от неуклюжего подросткового возраста к сладострастной взрослой жизни, и для Эшли Дэйнс это время наступило с мстостью; по крайней мере, так думала ее мама, Мелани, когда она вошла на кухню, чтобы посмотреть, как ее младшая дочь готовит завтрак. Жаль только, что восемнадцатилетняя девушка вынуждена была скрывать свои изгибы под неуклюжим кардиганом, доходившим до бедер, и джинсами, такими свободными и широкими, что семидесятые отчаянно звали их обратно. Однако, даже одетая как сумочница, невозможно было скрыть сексуальность подростка, круглый изгиб ее крестца, изгибы песочных часов на бедрах, большие, пышные груди, которые были созданы для сосания.

"Доброе утро", - Мелани вошла в кухню и объявила дочери о своем присутствии.

Эшли повернулась, водрузив на нос очки в толстой оправе. Они не портили красоту, но умаляли ее, Эшли еще не вняла намекам мамы о контактных линзах или хотя бы о более тонкой оправе и более модных очках, которые подошли бы к ее лицу. "Доброе утро, мама", - ответила она с неосознанной сексуальной улыбкой.

Мама наклонилась вперед, чтобы поцеловать ее, что они делали регулярно. Хотя она надеялась, что ее дочь не заметила, по крайней мере, сознательно, что, когда она это делала, рука Милф провела рукой по попе подростка, только на секунду и слегка, но достаточно, чтобы убедиться, насколько она круглая и представить ее подпрыгивание. Она не стала задерживаться, не настолько долго, чтобы возникли подозрения, но вместо этого отступила назад и взяла чашку кофе, которую налила ее дочь. Она села на ближайший табурет и спросила, какие у ее дочери планы на день.

Она вполуха слушала, как дочь перечисляла их, хотя в основном их можно было свести к посещению школы и учебе - выпускной год мог быть последним в ее школьной жизни, но он был самым важным, если ты хотела поступить в хороший университет. Имея опыт воспитания двух дочерей, Мелани знала, когда нужно кивнуть и сказать "Да" или "Продолжайте", как будто она сосредоточена на разговоре, в то время как на самом деле ее мысли были заняты другим.

В данном случае - соблазнить свою дочь-подростка и заняться с ней сексом...

Весь последний год, с тех пор, как Эшли начала прорастать, она ждала, когда подросток объявит, что у нее есть парень или девушка. Ее старшая сестра, Хейзел, встречалась с пятнадцати лет, но она была и более общительной, и раньше начала развиваться... Мелани не хотела знать слишком много подробностей о том, чем она занимается сейчас, когда уехала в колледж, но она сомневалась, что Хейзел была целомудренной. Сейчас Эшли училась на последнем курсе, а у нее все еще не было никаких признаков романтического или сексуального партнера; ее друзья были такими же студентами, как и она, и никто из них, казалось, не был заинтересован в общественной жизни, выходящей за рамки библиотеки или классной комнаты. Если на горизонте не появлялось никого другого, Мелани не чувствовала себя виноватой в том, что сама трахает свою дочь.

Когда она была подростком, у Мелани был длительный роман с ее собственной разведенной

мамой, и это был лучший секс в ее не слишком сексуально неопытной жизни; она трахалась со многими женщинами и некоторыми мужчинами (в том числе несколько лет была замужем за отцом девочек), но ни один из них не мог сравниться с трахом с ее мамой. Хотя она никогда не говорила об этом своим дочерям, она надеялась, что воспитала их так, что они будут открыты к лесбийскому инцесту и не будут осуждать его, хотя общество было таким, какое оно есть, и на них оказывалось сильное давление с противоположными общественными нравами о том, что нельзя трахаться с мамой. Тем не менее, Мелани была уверена, что при правильном подходе Эшли будет готова к сексуальным отношениям, хотя не менее важно было правильно все спланировать, чтобы, если ей покажется, что подросток не согласится, Мелани могла отступить, прежде чем ее дочь заметит, что мамины игры не так уж невинны, как предполагал подросток.

Она потягивала кофе и ждала, пока Эшли закончит описывать свой день, прежде чем привести в действие первую часть своего плана: "Ты свободна сегодня вечером?"

"Я, наверное, собиралась еще немного позаниматься, но в остальном да", - ответила ее дочь.

"Ты можешь отложить учебу до завтра? Мне нужна услуга".

"Конечно", - ответила Эшли.

"Ты знаешь ужин, на который я собиралась сегодня вечером? Тот, который один из моих крупных клиентов организовал для своих поставщиков?" Мелани говорила об этом последние несколько недель и заставляла его казаться гораздо более важным, чем он был на самом деле.

"Да, а в чем дело?"

"Мой спутник только что прислал мне сообщение и отменил встречу", - солгала Мелани, поскольку такого спутника не было, - "а эти ужины очень подходят для пар, так что я надеялась, что ты сможешь прийти со мной".

"Да, я могу это сделать", - ответила Эшли, потому что она всегда была готова помочь. Но потом, поскольку она тоже предпочитала учебу светским мероприятиям, она сразу же начала с барьеров: "Но ведь "плюс один" обычно означает партнера или пару, а не вашу дочь".

"Они не уточняют, в любом случае нет смысла говорить им об этом, пусть они просто считают, что ты моя младшая пара", - ответила ее мама.

"Мне нечего надеть, не для нормального ужина", - выдвинула она свое второе возражение.

Это, конечно, было верно и являлось ключевой частью плана Мелани: "У меня есть твои мерки, так что я могу быстро съездить в город и подобрать что-нибудь подходящее", - ответила она, хотя то, что она считает подходящим, и то, что подумает Эшли, - две разные вещи.

Видя, что отговорок больше нет, Эшли кивнула в знак согласия: "Хорошо, только не делай его зеленым, я не могу в зеленом".

"Никакого зеленого", - повторила Мелани, радуясь, что это было единственное условие ее дочери, - "Только постарайся не опоздать, около шести". Это будет уже после закрытия магазина, так что будет слишком поздно, чтобы вернуться и поменять платье на что-то другое.

*

Было шесть часов, когда Эшли вернулась домой, не желая ни сокращать время в библиотеке, придя домой раньше, ни опаздывать и доставлять неудобства маме. Мелани улыбнулась, она любила свою дочь, но та могла быть предсказуемой; если бы она пришла раньше, у нее был бы шанс посмотреть на платье заранее, но теперь было слишком поздно.

"Я только быстро приму душ", - сказала Эшли.

"Я оставлю платье в твоей комнате", - ответила мама.

Сделав это, она вернулась в свою комнату, чтобы продолжить наносить помаду и укладывать волосы, убедившись, что к приходу Эшли она будет только в трусиках и чулках, с открытым платьем. Прошло, казалось, много времени, прежде чем раздался стук в дверь: очевидно, ее дочь приняла душ и высушила волосы, прежде чем посмотреть на платье. "Входи", - позвала Мелани, дождавшись, пока дверь откроется, чтобы закрыть платье, позволяя дочери быстро увидеть ее обнаженную грудь. Само по себе это, наверное, мало что дало бы, но в деле соблазнения каждая мелочь помогала.

"Это платье..." начала Эшли, когда мама повернулась.

...оказалось даже лучше, чем Мелани надеялась. Оно было серебристого оттенка, длиной до бедер ее дочери - она была уверена, что Эшли предпочла бы длину до щиколотки, но это было далеко не мини. Однако декольте было жестоко вырезано, на девушке поменьше оно было бы привлекательным, но с большой грудью Эшли оно было еще более откровенным и соблазнительным, едва прикрывая соски и показывая половину богатых боков. Внешне Мелани выразила беспокойство: "В магазине оно не выглядело таким низким". Внутренне она не могла поверить, насколько сексуально и возбуждающе выглядит Эшли.

"Я не могу это надеть", - покраснела Эшли.

Ее мама посмотрела на часы: "Тебе тоже придется, у нас нет времени ходить по магазинам, даже если бы они были еще открыты".

Она мысленно затаила дыхание, она была уверена на девяносто девять процентов, что Эшли, будучи хорошей девочкой, согласится и признает, что выбора нет, но оставался маленький

шанс, что она будет слишком смущена и расплачется; в этом случае план Мелани рухнет на первом же препятствии, потому что она была слишком амбициозна, слишком рано.

"Ты права", - вздохнула Эшли, пытаясь натянуть платье поближе друг к другу и терпя неудачу.

"Дай-ка я посмотрю", - Мелани была не из тех, кто упускает возможность. Она встала и попыталась натянуть платье над декольте, ей не удалось добиться заметной разницы, но ее пальцы все же провели по плоти дочери. Она сделала шаг назад и окинула дочь оценивающим взглядом: "Знаешь, я не думаю, что это так уж плохо, теперь ты женщина, это хорошо тебя показывает, и не похоже, что ты что-то обнажаешь, кроме боковой груди".

"Боковая грудь - это достаточно плохо", - ворчала Эшли, но, похоже, она приняла эту позицию.

"Дай мне только влезть в платье", - Мелани отвернулась от дочери и сбросила платье. Эшли могла видеть ее только сзади, но, надеюсь, ей было хорошо видно, как сексуально выглядит ее мама, особенно когда Мелани прокралась к гардеробу, едва заметно покачивая бедрами и покачивая сексуальной спиной. Она остановилась перед зеркалом, зная, что оно позволяет ее дочери увидеть почти идеальную грудь - возможно, она была не такой большой, как у Эшли, но все еще круглой и упругой, и гравитация еще не нанесла свой ущерб, особенно учитывая, что она больше не увидит сорока (или сорока трех, если уж на то пошло).

"Застегни меня", - сказала она, позволяя дочери еще раз внимательно рассмотреть ее обнаженную спину, а затем повернулась, чтобы показать ей: "Что ты думаешь?".

Она выбрала сексуальный вариант, не переходящий в распутный (в отличие от платья ее дочери, которое, несомненно, переходило), хотя она надеялась, что оно показывает достаточно верхней части ее груди и плеч, чтобы ее не приняли за безбрачную.

"Красиво", - сказала Эшли, оглядывая маму с ног до головы. Она продолжала смотреть, пока Мелани принимала позу, выпячивая зад чуть больше, чем это было необходимо для моделирования платья. Ее дочь-подросток кивнула, добавив: "Тебе идет".

"Я думаю, что платье тебе тоже идет, больше, чем ты думаешь", - сказала Мелани, довольная тем, что, хотя Эшли покраснела, она не стала ей противоречить; надеюсь, она все больше привыкает к мысли о том, чтобы выйти в нем в свет. Что было удачей, поскольку, взглянув на часы... "Такси будет через десять минут, как раз успеем выпить по бокалу вина перед выходом, для начала".

Дома они обычно не пили, и хотя Мелани была уверена, что у Хейзел было поддельное удостоверение личности задолго до ее восемнадцатилетия, она также была уверена, что Эшли не пила и не привыкла к алкоголю. Поэтому она старалась не наливать дочери слишком много, она хотела, чтобы Эшли была расслабленной, а не пьяной. К счастью (а может, и нет, учитывая избыток здравого смысла у ее дочери), подросток пил совсем немного, так что к приезду такси она выпила меньше трети маленького стакана.

<http://erolate.com/book/2519/62053>